

Международный ежегодник по философии культуры. 1911

Книга I

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
М43

М43 Международный ежегодник по философии культуры. 1911: Книга I / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 252 с.

ISBN 978-5-458-04956-6

Издание организовала в 1910 г. группа молодых российских (С. Гессен, Ф. Степун, Н. Бубнов) и немецких философов (Р. Кронер, Г. Мелис). В Москве журнал выходил в издательстве «Мусагет», а позже – в «Товариществе Н. О. Вольфа». В Тюбингене издателем был Зибек. В первом номере было объявлено участие В. И. Вернадского, И. М. Гревса, Ф. Ф. Зелинского, Кистяковского, А. С. Лаппо-Данилевского, Н. О. Лосского, Э. Л. Радлова, П. Б. Струве, С. Л. Франка. Позже к ним присоединились А. А. Чупров и А-р И. Введенский, а Лосский и Франк вышли из журнала. В русской версии «Логоса» участвовали и иностранные философы: Г. Зиммель, Г. Риккерт, Р. Кронер, Г. Вёльфлин, В. Виндельбанд, Н. Гартман, П. Наторп, Б. Кроче, Э. Бутру. Журнал следовал главным образом неокантианской традиции во всех ее проявлениях. Основной была идея автономии философского знания, преобладали публикации о проблемах теории познания. «Логос» дистанцировался от философских течений, основанных на «внефилософских» началах (натурализм, психологизм, историзм, религиозная философия мистического и онтологического характера; сюда же была зачислена и русская религиозная философия). Поскольку журнал пропагандировал прежде всего немецкую философию, то с началом Первой мировой войны в 1914 г. он перестал выходить (лишь в 1925 г. в Праге была попытка возобновить издание, но дальше выпуска одного номера дело не пошло).

ISBN 978-5-458-04956-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

какъ бы къ нѣкоторому новому измѣренію или остался въ одной и той же плоскости съ эмпирическими науками о жизни природы и духа,— все это до сихъ поръ спорно. Это показываетъ, что даже самый смыслъ философской проблемы еще не приобрѣлъ научной ясности. Итакъ, философія по своей исторической задачѣ высшая и самая строгая изъ наукъ, философія, представительница исконнаго притязанія человѣчества на чистое и абсолютное познаніе (и, что стоитъ съ этимъ въ неразрывной связи на чистую и абсолютную оцѣнку (Werthen) и хотѣніе), не можетъ выработаться въ дѣйствительную науку. Признанная учительница вѣчнаго дѣла человѣчности (Humanität) оказывается вообще не въ состояніи учить: учить объективно значимымъ образомъ.

Кантъ любилъ говорить, что можно научиться только философствованію, а не философіи. Что это такое, какъ не признаніе ненаучности философіи?

Насколько простирается наука, дѣйствительная наука, настолько же можно учить и учиться, и притомъ повсюду въ одинаковомъ смыслѣ.

Нигдѣ научное изученіе не является пассивнымъ воспріятіемъ чуждыхъ духу матеріаловъ, повсюду оно основывается на самодѣятельности, на нѣкоторомъ внутреннемъ воспроизведеніи со всѣми основаніями и слѣдствіями тѣхъ идей, которыя возникли у творческихъ умовъ. Философіи нельзя учиться потому, что въ ней нѣтъ такихъ объективно понятыхъ и обоснованныхъ идей и потому, — это одно и то же, — что ей недостаётъ еще логически прочно установленныхъ и, по своему смыслу, вполне ясныхъ проблемъ, методовъ и теорій.

Я не говорю, что философія—несовершенная наука, я говорю просто, что она еще вовсе не наука, что въ качествѣ науки она еще не началась, и за масштаб беру при этомъ хотя бы самую маленькую долю объективнаго обоснованнаго научнаго содержанія.

Несовершенны всѣ науки, даже и вызывающія такой восторгъ точныхъ науки. Онѣ, съ одной стороны, незаконченны, передъ ними безконечный горизонтъ открытыхъ проблемъ, которыя никогда не оставляютъ въ покоѣ стремленія къ познанію; съ другой стороны, въ уже разработанномъ ихъ содержаніи заключаются нѣкоторые недостатки, тамъ и сямъ обнаруживаются остатки неясности или несовершенства въ систематическомъ распорядкѣ доказательствъ и теорій. Но, какъ всегда, нѣкоторое научное содержаніе есть въ нихъ въ наличности, постоянно возрастающая и все вновь и вновь развѣтвляющаяся.

Въ объективной истинности, т.-е. въ объективно обоснованной правдоподобности удивительныхъ теорій математики и естественныхъ наукъ, не усомнится ни одинъ разумный человѣкъ. Здѣсь, говоря вообще, нѣтъ мѣста для частныхъ «мнѣній», «воззрѣній», «точекъ зрѣнія». Поскольку таковыя въ отдѣльныхъ случаяхъ еще и встрѣчаются, постольку

наука оказывается еще не установившеюся, только становящеюся, и, какъ такая, всѣми подвергается обсужденію ¹⁾.

Совершенно иного рода, по сравненію съ только-что описаннымъ несовершенствомъ всѣхъ наукъ, несовершенство философіи. Она располагаетъ не просто неполной и только въ отдѣльномъ несовершенной системой ученій, но попросту не обладаетъ вовсе системой. Все вмѣстѣ и каждое въ отдѣльности здѣсь спорно, каждая позиція въ опредѣленномъ вопросѣ есть дѣло индивидуальнаго убѣжденія, школьнаго пониманія, «точки зрѣнія».

Пусть то, что научная мировая философская литература предлагаетъ намъ въ старое и новое время въ качествѣ замысловъ, основывается на серьезной, даже необъятной работѣ духа, болѣе того, пусть все это въ высокой мѣрѣ подготавливаетъ будущее построеніе научно строгихъ системъ: но, въ качествѣ основы философской науки, въ настоящее время ничто изъ этого не можетъ быть признано, и нѣтъ никакихъ надеждъ съ помощью критики выдѣлить тутъ или тамъ частицу подлиннаго философскаго ученія.

Это убѣжденіе должно быть еще разъ упорно и честно высказано и притомъ именно здѣсь, на начальныхъ листахъ «Логоса», который хочетъ свидѣтельствовать въ пользу значительнаго переворота въ философіи и подготовить почву для будущей «системы» философіи.

Въ самомъ дѣлѣ, на-ряду съ упрямымъ подчеркиваніемъ ненаучности всей предшествующей философіи, тотчасъ же возникаетъ вопросъ, хочетъ ли философія въ дальнѣйшемъ удерживать свою цѣль—быть строгою наукою, можетъ ли она и должна ли этого хотѣть. Что долженъ значить новый «переворотъ»? Не уклоненіе ли отъ идеи строгой науки, на примѣръ? И что должна для насъ значить «система», которой мы жаждемъ, которая, какъ идеаль, должна свѣтить намъ въ низинахъ нашей научной работы? Быть-можетъ, философскую «систему» въ тради-

¹⁾ Конечно, я имѣлъ здѣсь въ виду не спорные философско-математическіе и натурфилософскіе вопросы, которые, если присмотрѣться къ нимъ ближе, затрогиваютъ не только отдѣльные пункты содержанія ученій, но самый «смыслъ» («Sinn») всей научной работы отдѣльныхъ дисциплинъ. Они могутъ и должны оставаться отличенными отъ самихъ дисциплинъ, такъ какъ на самомъ дѣлѣ они достаточны безразличны для большинства представителей этихъ дисциплинъ. Быть-можетъ слово «философія» обозначаетъ въ соединеніи съ названіями всѣхъ наукъ родъ изслѣдованій, которые даютъ какъ-либо всѣмъ этимъ наукамъ нѣкоторое новое измѣреніе и тѣмъ самымъ послѣднее завершеніе. Но слово «измѣреніе» указываетъ въ то же время и на слѣдующее: строгая наука остается наукой, содержаніе ученій остается содержаніемъ ученій, если даже переходъ въ это новое измѣреніе еще и остается дѣломъ будущаго.

ціонномъ смыслѣ, т.-е. какъ бы Минерву, которая законченная и вооруженная выходитъ изъ головы творческаго генія, чтобы потомъ въ позднѣйшія времена сохраняться въ тихихъ музеяхъ исторіи рядомъ съ другими такими же Минервами? Или философскую систему (Lehrsystem), которая послѣ мощной подготовительной работы цѣлыхъ поколѣній начинается дѣйствительно съ несомнѣннаго фундамента и, какъ всякая хорошая постройка, растетъ въ вышину, въ то время, какъ камень за камнемъ присоединяется прочно одинъ къ другому, согласно руководящимъ идеямъ? На этомъ вопросѣ должны раздѣлиться умы и пути.

«Перевороты» оказывающіе рѣшающее вліяніе на прогрессы философіи, суть тѣ, въ которыхъ притязаніе предшествующихъ философій быть наукою разбивается критикою ихъ мнимо научнаго метода, и взамѣнъ того руководящимъ и опредѣляющимъ порядокъ работъ оказывается вполнѣ сознательное стремленіе радикально переработать философію въ смыслѣ строгой науки. Вся энергія мысли прежде всего концентрируется на томъ, чтобы привести къ рѣшительной ясности наивно пропущенныя или дурно понятыя предшествующей философіей условія строгой науки. Уже пытались начать новую постройку какого-либо философскаго зданія. Такая хорошо сознавшая воля къ строгой наукѣ характеризуетъ сократовски-платоновскій переворотъ философіи и точно также научныя реакціи противъ схоластики въ началѣ новаго времени, въ особенности Декартовскій переворотъ. Данный ими толчокъ переходитъ на великія философіи XVII и XVIII столѣтія, обновляется съ радикальнѣйшею силою въ критикѣ разума Канта и оказываетъ еще вліяніе на философствованія Фихте. Все сызнова и сызнова изслѣдованіе направляется на истинныя начала, на рѣшающія формулировки проблемъ, на правильный методъ.

Только въ романтической философіи впервые наступаетъ перемѣна. Какъ ни настаиваетъ Гегель на абсолютной значимости своего метода и ученія,—въ его системѣ все же отсутствуетъ критика разума, только и дѣлающая вообще возможною философскую научность. А въ связи съ этимъ находится то обстоятельство, что философія эта, какъ и вся романтическая философія вообще, въ послѣдующее время оказала дурное дѣйствіе въ смыслѣ ослабленія или искаженія историческаго влеченія къ построенію строгой философской науки.

Что касается послѣдняго, т.-е. тенденции къ искаженію, то, какъ извѣстно, гегеліанство вмѣстѣ съ усиленіемъ точныхъ наукъ вызвало тѣ реакціи, въ результатъ которыхъ натурализмъ XVIII вѣка получилъ чрезвычайно сильную поддержку и со всѣмъ скептицизмомъ,

исключающимъ всякую абсолютную идеальность и объективность оцѣнки (der Geltung), рѣшающимъ образомъ опредѣлилъ міровоззрѣніе и философію новѣйшаго времени.

Съ другой стороны, Гегелевская философія оказала воздѣйствіе въ смыслѣ ослабленія философскаго стремленія къ научности, благодаря своему ученію объ относительной истинности всякой философіи для своего времени — ученію, которое, разумѣется, внутри системы, притязавшей на абсолютное значеніе, имѣло совершенно иной, не историчестическій смыслъ, какъ его восприняли цѣлыя поколѣнія, которыя, съ вѣрою въ Гегелевскую философію, утратили и вѣру въ абсолютную философію вообще. Благодаря превращенію метафизической философіи исторіи Гегеля въ скептическій историзмъ, опредѣлилось въ существенномъ возникновеніе новой «философіи міровоззрѣнія», которая, именно въ наши дни, повидимому, быстро распространяется, и въ общемъ, со своей по большей части антинатуралистической и иногда даже антиисторической полемикой, хочетъ быть именно скептической. А поскольку она оказывается свободной отъ того радикальнаго стремленія къ научному ученію, которое составляло великое свойство новой философіи вплоть до Канта, постольку все сказанное выше объ ослабленіи философски-научныхъ стремленій относилось къ ней.

Нижеслѣдующія соображенія проникнуты мыслью, что великіе интересы человѣческой культуры требуютъ образованія строго научной философіи; что вмѣстѣ съ тѣмъ, если философскій переворотъ въ наше время долженъ имѣть свои права, то онъ во всякомъ случаѣ долженъ быть одушевленъ стремленіемъ къ новообоснованію философіи въ смыслѣ строгой науки. Это стремленіе отнюдь не чуждо современности. Оно вполне жизненно и притомъ именно въ самомъ господствующемъ натурализмѣ. Съ самаго начала со всею значительностью преслѣдуетъ онъ идею строго научной реформы философіи и даже постоянно увѣренъ, что уже осуществилъ ее, какъ въ своихъ болѣе раннихъ, такъ и въ своихъ современныхъ образованіяхъ. Но все это, если разсматривать дѣло принципиально, совершается въ такой формѣ, которая теоритически ложна въ своемъ основаніи, равно какъ и практически знаменуетъ собою растущую опасность для нашей культуры. Въ наши дни радикальная критика натуралистической философіи является важнымъ дѣломъ. Въ особенности же велика, по сравненію съ просто опровергающей критикой слѣдствій, необходимость въ критикѣ основоположенія и методовъ. Она одна только способна удержать въ цѣлости довѣріе къ возможности научной философіи, которое, увы, подорвано познаніемъ безсмысленныхъ слѣдствій строящагося на строгой, опытной наукѣ натурализма. Такой

положительной критикѣ посвящены разсужденія первой части этой статьи.

Что же касается переворота, происходящаго въ наше время, то онъ, правда, въ существенныхъ чертахъ направленъ антинатуралистически — и въ этомъ его правота, — но подъ вліяніемъ историцизма онъ уклоняется, повидимому, отъ линій научной философіи и хочетъ слиться съ одною только философіей міросозерцанія. Принципіальнымъ разъясненіемъ различія обѣихъ этихъ философіи и оцѣнкой ихъ относительно права занята вторая часть.

НАТУРАЛИСТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФІЯ.

Натурализмъ есть явленіе, возникшее какъ слѣдствіе открытія природы, — природы въ смыслѣ единства пространственно-временнаго бытія по точнымъ законамъ природы. Наряду съ постепенной реализаціей этой идеи во все новыхъ и новыхъ естественныхъ наукахъ, обосновывающихъ массу строгихъ познаній, распространяется и натурализмъ. Совершенно сходнымъ образомъ выросъ позднѣе и историцизмъ, какъ слѣдствіе «открытія исторіи» и обоснованія все новыхъ и новыхъ наукъ о духѣ. Соотвѣтственно господствующимъ привычкамъ въ пониманіи естествоиспытатель склоняется къ тому, чтобы все разсматривать, какъ природу, а представитель наукъ о духѣ, какъ духъ, какъ историческое образованіе, и сообразно этому пренебрегать всѣмъ, что не можетъ быть такъ разсматриваемо. Итакъ, натуралистъ, къ которому мы теперь спеціально обратимся, не видитъ вообще ничего, кромѣ природы, и прежде всего физической природы. Все, что есть, либо само физично, т. е. относится къ проникнутой единствомъ связи физической природы, либо, можетъ-быть, психично, но въ такомъ случаѣ оказывается просто зависимою отъ физическаго переменъ, въ лучшемъ случаѣ вторичнымъ «параллельнымъ сопровождающимъ фактомъ». Все сущее есть психофизическая природа, — это съ однозначностью опредѣлено согласно твердымъ законамъ. Ничто существенное для насъ не измѣняется въ этомъ пониманіи, если въ смыслѣ позитивизма (будь то позитивизмъ, примыкающій къ натуралистически истолкованному Канту или обновляющій и послѣдовательно развивающій Юма) физическая природа сенсуалистически разрѣшается въ комплексъ ощущений, въ цвѣта, звуки, давленія и т. д., а, такъ называемое, психическое — въ дополнительные комплексы тѣхъ же самыхъ или еще другихъ «ощущеній».

То, что является характернымъ для всѣхъ формъ крайняго и послѣдовательнаго натурализма, начиная съ популярнаго матеріализма и кон-

чая новѣйшимъ монизмомъ ощущеній и энергетизмомъ,— есть, съ одной стороны, н а т у р а л и з о в а н і е сознанія, включая сюда и всѣ интенціонально-имманентныя данности сознанія, а съ другой — н а т у р а л и з о в а н і е идей, а съ ними вмѣстѣ и всѣхъ абсолютныхъ идеаловъ и нормъ.

Въ послѣднемъ отношеніи онъ самъ себя упраздняетъ, не замѣчая этого. Если взять, какъ примѣрный перечень всего идеальнаго, формальную логику, то, какъ извѣстно, формально-логическіе принципы, такъ называемые законы мысли, истолковываются натурализмомъ, какъ законы природы мышленія. Что это влечетъ за собою ту безсмыслицу, которая характеризуетъ всякую въ точномъ смыслѣ скептическую теорію, — подробно доказано нами въ другомъ мѣстѣ ¹⁾. Можно также подвергнуть подобной же рѣшительной критикѣ и натуралистическую аксіологию и практическую философію, въ томъ числѣ и этику, а равнымъ образомъ и натуралистическую практику. Вѣдь за теоретическими безсмыслицами неизбежно слѣдуютъ безсмыслицы (очевидныя несообразности) въ дѣйственномъ теоретическомъ, аксіологическомъ и этическомъ поведеніи. Натуралистъ, говоря вообще, въ своемъ поведеніи—идеалистъ и объективистъ. Онъ полонъ стремленія научно, т. е. обязательнымъ для каждого разумнаго человѣка образомъ, познать, что такое есть подлинная истина, подлинно прекрасное и доброе, какъ они должны быть опредѣляемы по общему своему существу, какимъ методомъ должны быть постигаемы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Благодаря естественнѣму и естественно-научной философіи цѣль, думаетъ онъ, въ главномъ достигнута, и вотъ со всѣмъ воодушевленіемъ, какъ дается этимъ сознаніемъ, онъ выступаетъ, какъ учитель и практическій реформаторъ, на защиту «естественно-научнаго» истиннаго, добраго и прекраснаго. Но онъ—идеалистъ, устанавливающій и мнимо обосновывающій теоріи, которыя отрицаютъ именно то, что онъ предполагаетъ въ своемъ идеалистическомъ поведеніи, когда строить теоріи или когда одновременно и обосновываетъ и рекомендуетъ какія-нибудь цѣнности или практическія нормы, какъ прекраснѣйшія и наилучшія, предполагаетъ именно постольку, поскольку вообще теоретизируетъ, поскольку вообще объективно устанавливаетъ цѣнности, съ которыми должна сообразоваться оцѣнка и равнымъ образомъ практическія правила, согласно которымъ каждый долженъ желать и поступать. Натуралистъ учитъ, проповѣдуетъ, морализируетъ, реформируетъ ²⁾. Но онъ отрицаетъ именно то, что по самому

¹⁾ См. Мои Logische Untersuchungen. I Band 1900 (есть русскій переводъ).

²⁾ Геккель и Освальдъ могутъ въ данномъ случаѣ служить для насъ выдающимися примѣрами.

своему смыслу предполагает всякая проповѣдь, всякое требованіе, какъ таковое. Только проповѣдуетъ онъ не такъ, какъ древній скептицизмъ — *expressis verbis*: единственно разумно отрицать разумъ, — какъ теоретическій, такъ и аксіологическій и практический разумъ. Онъ сталъ бы даже рѣшительно отклонять отъ себя подобныя утвержденія. Безсмыслица у него не открыто, но скрытно для него самого, заключается въ томъ, что онъ натурализируетъ разумъ.

Въ этомъ отношеніи споръ уже по существу рѣшенъ, хотя бы волна позитивизма и превзошедшаго его въ релятивизмъ прагматизма и росла еще выше. Конечно, именно въ этомъ обстоятельстве обнаруживается, какъ мала практически дѣйствительная сила аргументовъ изъ слѣдствій. Предразсудки вызываютъ слѣпоту, и тотъ, кто видитъ только факты опыта и внутренне признаетъ значеніе только за опытною наукою, тотъ не почувствуетъ себя чересчуръ смущеннымъ бессмысленными слѣдствіями, которыя не могутъ быть на опытѣ показаны, какъ противорѣчащія фактамъ природы. Онъ отброситъ ихъ въ сторону, какъ «схоластику». Кроме того аргументація изъ слѣдствій очень легко оказываетъ дурное дѣйствіе и въ другую сторону, именно на людей, чувствительныхъ къ ея силѣ. Благодаря тому, что натурализмъ кажется совершенно дискредитированнымъ, — тотъ самый натурализмъ, который стремился построить философію на строгой наукѣ и какъ строгую науку, — благодаря этому кажется дискредитированной и сама его методическая цѣль; и это тѣмъ болѣе, что съ этой стороны распространена склонность мыслить строгую науку — только какъ положительную науку, и научную философію — только какъ основанную на такой наукѣ. Однако, и это только предразсудокъ, и потому уклониться отъ линіи строгой науки было бы въ корнѣ неправильно. Именно въ той энергіи, съ какою натурализмъ пытается реализовать принципъ строгой научности во всѣхъ сферахъ природы и духа, въ теоріи и практикѣ, и съ какою онъ стремится къ научному рѣшенію философскихъ проблемъ бытія и цѣнности, или, по его мнѣнію, «съ точностью естествознаній», — въ этомъ заключается его заслуга и въ то же время главная доля его силы въ наше время. Быть-можетъ, во всей жизни новаго времени нѣтъ идеи, которая была бы могущественнѣе, неустойчивѣе, побѣдоноснѣе идеи науки. Ея побѣдоноснаго шествія ничто не остановитъ. Она на самомъ дѣлѣ оказывается совершенно всеохватывающей по своимъ правомѣрнымъ цѣлямъ. Если мыслить ее въ идеальной законченности, то она будетъ самымъ разумомъ, который на ряду съ собою и выше себя не можетъ имѣть ни одного авторитета. Къ области строгой науки принадлежатъ, конечно, и всѣ тѣ теоретическіе, аксіологическіе и практическіе идеалы, которые

натурализмъ, перетолковывая эмпирически, въ то же время дѣлаетъ ложными.

Однако, общія утвержденія мало говорятъ, если ихъ не обосновываютъ, и надежды на науку имѣютъ небольшое значеніе, если нельзя усмотрѣть никакихъ путей къ осуществленію ея цѣлей. Поэтому, если идея философіи, какъ строгой науки, не должна оставаться безсильной передъ указанными и всѣми другими, по существу родственными, проблемами, то мы должны уяснить себѣ возможность реализовать эту идею, мы должны съ помощью раскрытія проблемъ, съ помощью углубленія въ ихъ чистый смыслъ, съ совершенной ясностью усмотрѣть тѣ методы, которые адекватны этимъ проблемамъ, потому что требуются ихъ собственной сущностью. Этимъ необходимо заняться, чтобы такимъ образомъ сразу пріобрѣсти и живое, дѣятельное довѣріе къ наукѣ и въ то же время ея дѣйствительное начало. Въ этомъ направленіи намъ мало поможетъ опроверженіе натурализма изъ слѣдствій,—въ прочихъ отношеніяхъ полезное и необходимое. Другое дѣло, если мы подвергнемъ необходимой положительной, и притомъ всегда принципиальной, критикѣ основоположенія натурализма, его методы и его результаты. Поскольку критика ограничиваетъ и разъясняетъ, поскольку она побуждаетъ къ тому, чтобы отыскивать настоящій смыслъ философскихъ методовъ, которые по большей части такъ неопредѣленно и многозначно формулируются въ качествѣ проблемъ, постольку она приспособлена къ тому, чтобы вызывать въ насъ представленія о лучшихъ цѣляхъ и путяхъ и положительнымъ образомъ содѣйствовать нашимъ замысламъ. Съ этимъ намѣреніемъ подвергнемъ болѣе подробному разсмотрѣнію особенно подчеркнутый нами выше характеръ оспариваемой нами философіи, именно натурализованіе сознанія. Болѣе глубокая связь съ указанными скептическими слѣдствіями сама собой обнаружится въ дальнѣйшемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выяснится, насколько далеко простирается и насколько долженъ быть обоснованъ нашъ второй упрекъ, относящійся къ натурализованію идей.

*

Мы примѣнимъ нашъ критическій анализъ, разумѣется, не къ популярнымъ размышленіямъ философствующихъ естествоиспытателей, но займемся той ученой философіей, которая выступаетъ въ дѣйствительно научномъ вооруженіи: въ особенности же тѣмъ методомъ и тою дисциплиною, съ помощью которыхъ она надѣется разъ навсегда добиться званія точной науки. Она такъ увѣренно ихъ держится, что съ пренебреженіемъ смотритъ на всякое другое философствованіе. Оно, по ея мнѣнію,

относится къ ея точному научному философствованію такъ, какъ темная натурфилософія Возрожденія къ полной молодыхъ силъ точной механикѣ Галилея, или какъ алхимія къ точной химіи Лавуазье. Если же мы спросимъ о точной, хотя бы даже и въ ограниченныхъ размѣрахъ построенной, философіи, объ аналогонѣ точной механики, то насъ отсылаютъ къ психофизической или, особенно, къ экспериментальной психологіи, у которой вѣдь никто, конечно, не будетъ въ состояніи отнять право на званіе строгой науки. Она будто бы и есть та давно искомая и, наконецъ, осуществившаяся точно-научная психологія. Логика и теорія познанія, эстетика, этика и педагогика пріобрѣли, наконецъ, благодаря ей, точный фундаментъ, мало того, онѣ уже на пути къ тому, чтобы преобразоваться въ экспериментальныя дисциплины. Вообще, строгая психологія, говорятъ намъ, само-самой разумѣется, есть основа всѣхъ наукъ о духѣ и въ не меньшей степени основа метафизики. Въ послѣднемъ отношеніи она, впрочемъ, не исключительный фундаментъ, потому-что въ равной степени и физическое естествознаніе участвуетъ въ обоснованіи этого наиболѣе общаго ученія о дѣйствительности.

Наши возраженія противъ этого состоятъ въ слѣдующемъ: прежде всего, какъ это легко покажетъ даже короткое размышленіе, слѣдуетъ принять во вниманіе, что вообще психологія, какъ наука о фактахъ, не приспособлена къ тому, чтобы создать фундаментъ тѣмъ философскимъ дисциплинамъ, которымъ приходится имѣть дѣло съ чистыми принципами всякой нормировки, т.-е. чистой логики, чистой аксіологіи и практикѣ. Отъ болѣе близкаго разсмотрѣнія этого вопроса мы можемъ здѣсь воздержаться: оно, очевидно, привело бы насъ снова къ уже упомянутымъ скептическимъ безсмыслицамъ. Но, что касается теоріи познанія, которую мы отдѣляемъ отъ чистой логики взятой въ смыслѣ чистой *Mathesis universalis* (въ качествѣ каковой ей нечего дѣлать съ познаваніемъ), то противъ гносеологическаго психологизма и физицизма можно сказать многое, изъ чего кое-что должно быть здѣсь упомянуто.

Всякое естествознаніе по своимъ исходнымъ точкамъ наивно. Природа, которую оно хочетъ изслѣдовать, существуетъ для него просто въ наличности. Само-собою разумѣется, вещи существуютъ, какъ покоящіяся, движущіяся и измѣняющіяся въ безконечномъ пространствѣ и, какъ временныя вещи, въ безконечномъ времени. Мы воспринимаемъ ихъ, мы описываемъ ихъ въ безыскусственныхъ сужденіяхъ опыта. Познать эти само-собою разумѣющіяся данности въ объективно значимой строгой научной формѣ и есть цѣль естествознанія. То же самое относится и къ природѣ въ расширенномъ, психофизическомъ смыслѣ

и, соотвѣтственнымъ образомъ, къ изслѣдующимъ ее наукамъ, слѣдовательно, къ психологіи въ особенности. Психическое не есть міръ для себя (*Welt für sich*), оно дано, какъ «я» или какъ переживание «я» (вообще въ очень различномъ смыслѣ), которое оказывается, согласно опыту, уже соединеннымъ съ извѣстными физическими вещами, называемыми тѣлами. И это точно также есть само собою разумѣющаяся данность. Научно изслѣдовать это психическое въ той психофизической природной связи, въ которой оно существуетъ, какъ само собою разумѣющееся, опредѣлить его съ объективной значимостью, открыть законмѣрность въ его самосозиданіи и самопревращеніи, въ его появленіи и существованіи,—вотъ задача психологіи. Всякое психологическое опредѣленіе есть ео ipso психо-физическое именно въ томъ широкомъ смыслѣ (котораго мы съ этихъ поръ и будемъ держаться), что оно одновременно обладаетъ и никогда непогрѣшающимъ физическимъ сознаніемъ. Даже и тамъ, гдѣ психологія — опытная наука—сосредоточила свои силы на опредѣленіи самихъ процессовъ сознанія, а не психофизическихъ зависимостей въ обычномъ узкомъ смыслѣ слова, даже и тамъ эти процессы мыслятся, какъ процессы природы, т.-е. какъ относящіяся къ человѣческимъ или животнымъ сознаніямъ, которыя, въ свою очередь, имѣютъ само собою разумѣющуюся и доступную пониманію связь съ тѣлами людей или животныхъ. Исключеніе отношенія къ природѣ отняло бы у психического характеръ объективно опредѣлимаго во времени факта природы, короче, самый характеръ психологического факта. Итакъ, будемъ считать твердо установленнымъ слѣдующее положеніе: всякое психологическое сужденіе заключаетъ въ себѣ экзистенціальное полаганіе физической природы, безразлично—выраженное или невыраженное.]

Согласно съ только что высказаннымъ становится яснымъ и ниже слѣдующее положеніе: если существуютъ аргументы, по которымъ физическое естествознаніе не можетъ быть философіей въ специфическомъ смыслѣ слова, нигдѣ и никогда не можетъ служить основой для философіи и само только на основѣ предшествующей ему философіи можетъ подвергнуться философской оцѣнкѣ ради цѣлей метафизики, то въ такомъ случаѣ всѣ подобные аргументы должны быть безъ дальнѣйшаго приѣмлены и къ психологіи.

Но въ такихъ аргументахъ отнюдь нѣтъ недостатка.

Достаточно вспомнить только о той «наивности», съ которою, совершенно вышесказанному, естествознаніе принимаетъ природу, какъ данную,—наивности, которая въ немъ, такъ сказать, безсмертна и повторяется вновь въ любомъ пунктѣ его развитія, всякій разъ какъ оно при-